

DOI: 10.24411/ 2618-9674-2018-10012

Федоров А. Н.¹

Храм — основа формирования среды древнерусского города

Предстоящий Юбилей требует подведения итогов 1000-летней истории русской церковной архитектуры. Трудно говорить о Крещении страны, ведь это личностный акт, но слишком велики и общественные следствия принятия Христианства на Руси, ставшей чуть ли ни единственной страной, в которой формирование самостоятельной культуры связано с воцерковлением различных сторон жизни. Создается среда, где стремление реализовать Христианство в обществе, в мире находит пространственное выражение. Архитектура — организация пространства — обычно адекватно отражает состояние общества, ибо она — целостное явление, как никакой другой вид искусства, хозяйственной или научной деятельности людей, полно выражающее всю совокупность религиозных, культурных, политических, экономических, социальных и бытовых составляющих жизненных отношений человека. Поэтому изучение церковного зодчества хотелось бы видеть в более тесной взаимосвязи с историко-церковной дисциплиной, чем она есть на сегодняшний день, а также с литургией.

Существовавшая в XIX веке единая церковная археология являла собой цельность, хотя и была еще не очень развитой. Претерпев в дальнейшем дробление, подобно другим наукам, она в своей архитектурной части продолжает расслаиваться. В отечественной историко-архитектурной науке сложилась традиция рассматривать процесс эволюции средневекового зодчества в определенных аспектах, каждый из которых имеет своих приверженцев. Предполагается, что в сумме эти исследования, эти различные ракурсы дадут относительно полную картину развития архитектуры. Но практически единой системы в данном вопросе не существует. Между тем, каждый раз, рассматривая один из аспектов зодчества, необходимо помнить целое. Но при внимательном подходе становится ясно, что целостная картина складывается из большего количества ракурсов, чем те, что активнее подаются сегодня.

Есть исследования, характеризующие древнерусское зодчество в ракурсе развития строительной техники. В качестве наиболее яркого и интересного примера такого подхода можно привести работы П. А. Раппопорта². В трудах А. М. Комеча преобладает глубокий искусствоведческий анализ архитектурных форм³. Другой аспект,

¹ Ныне — архимандрит Александр (Федоров), профессор, заведующий иконописным отделением Санкт-Петербургской Духовной Академии

² См.: Раппопорт П. А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. М., 1984. Т. 45. С. 185-191; Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986; Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. Л., 1970; Раппопорт П. А. О взаимосвязи русских архитектурных школ XII в. // Труды института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, серия Архитектура. Л., 1970. Вып. 3; Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X-XV вв. М.; Л., 1961; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979.

³ См.: Комеч А. И. Византийская архитектура IX-XII вв. Автореферат канд. диссертации. М., 1971; Комеч А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978; Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987.

социально-экономический, отмечается как доминирующий в книгах А. Л. Якобсона⁴. Значительно меньше был затронут градостроительный аспект, за исключением работ Л. М. Тверского⁵ и Г. В. Алфёровой⁶, а также Ю. С. Ушакова⁷, внесшего большой вклад в освоение вопроса размещения и восприятия памятников деревянного церковного зодчества и монастырских комплексов. Но в последнее время эта важнейшая сторона в развитии архитектуры Руси стала привлекать больше внимания таких исследователей, как М. П. и Т. Н. Кудрявцевы, Н. Ф. Гуляницкий, А. С. Щенков и ряд других⁸. Вообще, можно условно выделить шесть направлений в рассмотрении древнерусского зодчества: строительно-технический, формально-эстетический, социально-экономический, идеологический, градостроительный и функциональный аспекты. Естественно, они не существуют в отрыве друг от друга, но как трудно говорить о целостности, когда по трём из шести вышеперечисленных направлений нет достаточно полно обобщающих работ. Функциональный аспект — влияние эволюции обряда на пространство и формы храма — тесно связан с литургикой; элементы такого подхода можно встретить в трудах западных историков восточно-христианского церковного зодчества А. Грабара, Р. Краутхаймера, К. Манго; но для русской церковной архитектуры, особенно её раннего этапа, исследования в этом аспекте практически отсутствуют. Градостроительное направление до сих пор ещё меньше было связано с внутривраховыми проблемами, что не соответствует реальности средневековой жизни. Так, в своей книге «Евхаристия» о. Александр Шмеман упоминал о литургическом освоении пространства города, имевшем и обратную связь с последующей

⁴ См.: Якобсон А. Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983; Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л., 1987.

⁵ См.: Тверской Л. М. Древнерусское градостроительство до конца XVII в. Л.; М., 1953.

⁶ См.: Алфёрова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. М., 1977. № 7; Алфёрова Г. В. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVI–XVII вв. // Архитектурное наследие. М., 1979. № 27; Алфёрова Г. В. К вопросу о строительстве городов в Московском государстве в XVI–XVII вв. // Архитектурное наследие. М., 1980. № 28; Алфёрова Г. В. Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства, её влияние на художественный облик и планировку городов // Византийский временник. М., 1973. Т. 35. С. 195–221; Алфёрова Г. В. Математические основы русского градостроительства XVI–XVII вв. // Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980.

⁷ См.: Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Пространственная организация, композиционные приёмы, восприятие. Л., 1982; Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве европейской части русского Севера. Автореферат докт. диссертации. Л., 1984; Ушаков Ю. С. Архитектурное наследие — в строй современности. Л., 1980.

⁸ См.: Щенков А. С. К вопросу о реконструкции архитектурного облика древнерусских городов // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 3–7; Щенков А. С. Структура русских городов XVI–XVII вв. и их эстетическое восприятие // Архитектурное наследие. М., 1984. С. 3–12; Кудрявцева Т. Н. Структура и композиционные особенности слободы русского города XVI–XVII вв. // Архитектурное наследие. М., 1984. № 32. С. 13–25; Кудрявцева Т. Н. Композиции улиц древнерусских городов // Архитектурное наследие. М., 1985. № 33. С. 14–22; Кудрявцев М. П. Системы приречных ансамблей Москвы XVII в. // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 17–25; Шелкова О. П. Градостроительное развитие Арзамаса XVI — пер. пол. XIX в. // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 52–60; Меркулова Н. Ю., Мокеев Г. Я. Трансформация древнерусских городов // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 8–16; Заварихин С. П., Кондратьева Е. В., Мильчик М. И. Этапы, формирования градостроительной структуры Тихвина до конца XIX в. // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 44–51; Гуляницкий Н. Ф. Русский регулярный город на традиционной основе // Архитектурное наследие. М., 1985. № 33. С. 3–13; Проскуракова Т. С. О преемственности в русском градостроительстве второй половины XVIII в. // Архитектурное наследие. М., 1985. № 33. С. 40–51.

редукцией⁹. Таким образом, с точки зрения архитектурно-исторической науки необходимы обобщения по нескольким направлениям, а в целом из вышесказанного можно сделать более радикальный вывод — о необходимости воцерковления этой научной сферы, которая вне своей первоосновы, постоянно дробясь, теряет смысл. Богословие Храма может быть не второстепенной прикладной наукой о сакральной жизни, но осмыслением связи между святыней и жизнью, призывом к подлинной христианской целостности.

Средневековье — период истории, когда стремление церковно осмыслить всю жизнь было наиболее интенсивным. В отличие от западноевропейских, русские города состояли в основном из недолговечной деревянной застройки, поэтому силуэты крепостей и особенно доминанты храмов взяли на себя всю полноту в завершении композиционного выражения структуры города. В этом соединились две линии развития городской жизни: в одной сказывается влияние Церкви, другая имеет функционально-утилитарный характер. Формировавшееся функциональное соподчинение участков территории города должно было найти своё композиционное выражение, и это произошло в фиксации структуры взаиморасположением вертикалей храмов и крепостных башен. Но этого могло не произойти, если бы не другая линия развития. Ведь в раннехристианский период храмы не могли выполнять такой функции, в композиции своей они не были вертикально ориентированы, более того, они были почти полностью обращены в своё внутреннее пространство. Достаточно вспомнить описание храма в Тире из «Церковной истории» Евсевия¹⁰, где соподчинение зон пространства, примыкающего к храму, соотносится с положением групп людей по степени их близости Церкви; в этом описании важно отметить, что субординационный принцип, тщательно соблюдаемый Евсевием, не переходит в принцип иерархический: внутри Церкви все являются в равной мере без градаций... «в виде столпов гораздо лучшие, нежели те, которые вне храма»..., то есть иерархический принцип оказывается внутри Церкви не главным в противоположность субординационности мира¹¹. Однако по мере распространения и укрепления позиций в государстве христиане стремятся сделать церковной средой обитания, и постепенно храмы становятся всё более обращёнными к городу или ландшафту.

К завершению иконоборческого периода храмы усиливают своё значение образов Церкви в окружающей среде. Отсюда вертикальность в композиции. К X–XII векам это явление стало повсеместным для христианских стран как Востока, так и Запада, причём интересно, что конкретные средства достижения вертикальности везде разные — от готики до пирамидальных композиций русских храмов XII–XIII веков. Это в значительной мере входит в противоречие с тезисом А. Л. Якобсона о доминировании социально-экономического фактора в эволюции средневековой архитектуры¹². Общность, основанная на принадлежности Церкви, окрашивается различием материальных условий в каждой стране и даёт свои средства при главенстве основной тенденции в развитии архитектуры. Так, на Руси в XII–XIII веках храмы пирамидальной композиции, находясь в общехристианской направленности

⁹ См.: Шмеман А., *протопр.* Евхаристия. Таинство Царства. Париж, 1984.

¹⁰ *Евсевий Памфил* Церковная история (X, 4) // *Евсевий Памфил* Сочинения. СПб., 1858. Т. 1. С. 515–525.

¹¹ Учитывая, что сам Евсевий был близок к арианству, от него скорее можно ожидать усмотрение субординационности и в том, что находится внутри храма, однако он её не усматривает; значит, это, по-видимому, не субъективно-тенденциозный взгляд, а отражение реальной ситуации.

¹² См.: *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры; *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв.

развития, выразили своим появлением начало характерно национального этапа русского зодчества. Вертикальность русских, как и других восточно-христианских храмов могла быть не так сильно обозначена, как у западноевропейских. Одна из причин этого — большая плотность застройки западного города, осуществить зримое присутствие Церкви в котором проще всего взаимодействием мощных вертикалей, а с другой стороны — как бы «прозрачность» русского города, ибо восточно-христианская градостроительная традиция требовала соблюдения разреженности в застройке, опираясь в этом на византийское градостроительное законодательство: трактат Юлиана Аскалонита (V в.) и Прохирон, находящийся в составе Кормчих книг XII в.¹³ В структуре такого города и небольшой высоты каменные храмы выполняли функцию кристаллизации его пространства. Другая причина различия в обращённости храма в город на Востоке и на Западе — разная степень осуществления идеи иерархичности мира (и города), «пронизанного» Церковью. На Западе город и храмы в нём как бы однородны: городское пространство «воцерковляется», а субординационность мира сменяется иерархичностью¹⁴ (однородности способствует и плотность, и большее, чем на Востоке, применение камня в гражданских сооружениях)¹⁵. В русских же городах каменные храмы и деревянная застройка как бы разнородны, возникает ассоциация с постоянной несовместимостью Церкви и мира сего. И, тем не менее, вопреки видимой невозможности освоить мир, храмы своим взаиморасположением создают визуальную структуру, композиционно держащую весь город и порой охватывающую большее пространство постановкой на форпостах монастырей¹⁶. Этому способствует и всё большая фокусировка внимания в архитектуре каждого храмового здания на экстерьер.

В XI веке формируется принцип позакомарного завершения фасадов древнерусских церквей, причём, как справедливо замечает А. И. Комеч, такое завершение становится декоративным¹⁷, то есть не обязательно точно соответствует внутреннему пространству и конструктивному приёму. Причина этому — обращённость вовне, к городу или ландшафту. Для XII века характерно постепенное увеличение высоты центральной части объёмов храмов, то есть подкупольное пространство, при понижении угловых частей, что создаёт динамичное нарастание объёма вверх; появляются трёхлопастные завершения фасадов, что находит и новое конструктивное осмысление. Начало этого процесса охватывает такие архитектурные школы, как полоцкая, черниговская, смоленская, оказывает влияние на новгородскую. Во владимирской раскрытие храмов к окружающему пространству происходит через насыщение белокаменных фасадов декором. Все эти черты домонгольской архитектуры слились в единую общерусскую тенденцию её развития и нашли продолжение в раннемосковской архитектуре. XVI и XVII века дали ещё один этап в осуществлении тенденции

¹³ Алфёрова Г. В. Кормчая книга... С. 195-221; Алфёрова Г. В. Математические основы... С. 113; Шапов Я. Н. Прохирон в восточно-славянской письменности // Византийский временник. Т. 38. С. 51; Сюзюмов М. Я. Трактат Юлиана Аскалонита // Сборник статей по истории древнего мира и средних веков. Античная древность и средние века. Свердловск, 1960. Вып. 3. Ч. 1. С. 18; Местные законы Бессарабии. Одесса, 1908. Кн. 2, титул 1. С. 161; титул 2. С. 173-199; титул 5. С. 223.

¹⁴ Условно вводимое разграничение понятий «субординационность» и «иерархичность» подразумевает в первом случае отношение к миру в его внехристианском состоянии, во втором — воцерковлённом, даже если, увы, не полностью.

¹⁵ См.: Ювалова Е. О некоторых интерпретациях ранней и высокой готики в современном западном искусствознании // Современное искусствознание Запада о классическом искусстве. М., 1977.

¹⁶ Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. С. 402-408.

¹⁷ Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. С. 248.

к вертикальности в храмовой архитектуре — это связано с появлением шатровых композиций. Градостроительное выражение этого процесса было наиболее ярким в архитектуре Московского государства.

Итак, храмы становятся функциональными и композиционными центрами, вокруг которых формируется среда. Улицы осмысляются не только как средство коммуникации, но как путь, ведущий к храму, доминанта которого в композиции улицы приобретает ведущее значение. Важным было восприятие доминант с реки¹⁸, чаще всего выполнявшей роль основной планировочной оси города. И вот, несмотря на огромное влияние храма на окружающее пространство, во всей истории православного богословия Храма этому явлению почти не нашлось места. Анализировалось внутреннее пространство как пространство литургическое, да и то больше как вместилище сакральных процессов¹⁹, внешние формы храмов стали предметом исследований исторически довольно поздно, да и то скорее для искусствоведов, чем для богословов. А ведь как Литургия, совершаемая в храме, должна определять всю жизнь христианина, так и зримое выражение осуществляемой в литургии Церкви — сам храм — может влиять на город, населённый христианами. Но не надо забывать, что богословие имеет не только словесные формы: церковное искусство, архитектура, а также средневековые города несут в себе многое, говорящее само за себя, но и не меньше, что ещё можно осмыслить.

При градостроительных работах, связанных с историческими русскими городами, бросается в глаза неслучайное размещение памятников средневекового зодчества. Они, как правило, являясь доминантными узловыми точками в градостроительной композиции, увязаны в единую систему как между собой, так и с ландшафтными акцентами. Например, в древнейшем городе Ладоге в такую систему оказываются включёнными храмы, а также естественные и искусственные возвышения рельефа. Конечно, есть и утилитарные причины формирования структуры города, к которым относятся необходимость функционального соподчинения участков территории: крепость, торг, посад, в крупных городах деление территории посада (так в Ладоге каждому концу соответствует свой кончанский храм), выделение прилегающих к городу слобод, а также нужды обороны. Но и крепость, и вся структура города имеют не только утилитарное и эстетическое значение. Общеизвестно, что храм — это образ Небесного Иерусалима, но и город постепенно становится образом Горнего Града. Этот вопрос мало исследован, поэтому требует к себе особого внимания.

Крепостные башни и вертикали церквей создают цельную систему, пронизывающую город и переносящую гармонию и соразмерность каждого здания в окружающую среду. Одним из существенных средств в этом является мерность в расстояниях между доминантами. К сожалению, за последние десятилетия появилось много историко-архитектурных работ, в которых построение форм средневековыми зодчими и отчасти градостроительные закономерности понимаются переусложнённо, а ведь для того, чтобы осмыслить и показать неслучайность построений объёмов и пространства, не обязательны современные математические построения²⁰, как правило

¹⁸ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. С. 402–408.

¹⁹ См.: Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1855, 1857. Т. 1–3.

²⁰ См.: Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961; Пилецкий А. А. Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре // Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980; Желоховцева Е. Ф. Геометрические структуры в архитектуре и живописи Древней Руси // Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980; Шевелёв И. Ш. Принцип пропорции. М., 1986; Маликов А. Московский угломер // Архитектура (приложение к «Строительной газете») № 14 (628). 13 июля 1986.

зодчие пользовались простым и ясными средствами достижения гармонии²¹. Мерные характеристики играют тут большую роль. Можно предположить связь с теми местами в текстах Св. Писания, где говорится о Небесном Иерусалиме. В книге пророка Иезекииля (Иез. 40-42) есть описание видения, в котором храм и окружающее пространство могут восприниматься и как чаение земного Иерусалима, и как прообраз Небесного. Цифры в подробных арифметических измерениях здания и территории в пределах стен имеют символический смысл и напоминают о конкретности того, о чём говорится.

А для христианских строителей соразмерности в расстояниях между храмами (как и в пропорциях самих храмов) становятся, возможно, проявлением их отношения к каждому городу как образу Небесного Града. В Откровении св. Иоанна Богослова (Откр. 21:12-17) в описании нисходящего с неба Иерусалима снова возникают мерные характеристики: «...Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. И стену он измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела».

Таким образом, город может рассматриваться как целостное явление. С точки зрения византийского и древнерусского церковного сознания трудно скватать, что частное, а что общее: храм ли часть города или город — это увеличенный до его размеров храм. Как пишет о. Александр Шмеман: «Нужно помнить, что в отличие от нашего теперешнего устройства, в котором каждый приход богослужбно “независим” и внутри себя совершает весь богослужбный цикл, в византийской церкви город, и особенно, конечно, Константинополь рассматривался церковно как одно целое, так что богослужбный “Устав Великой Церкви” обнимал собою все храмы, посвящённые каждый той или иной “памяти”»²². Далее говорится о том, как Литургия (впрочем, это касается вообще богослужения) приобретает ряд элементов, появившихся в результате возможности совершать процессии по городу; затем они становятся частью внутренних действий.

Наоборот, построенный патриархом Никоном монастырь на Истре и названный им Новым Иерусалимом, показывает, как топография всей прилегающей территории приобретает символические черты, не просто перенесённые из Палестины, но вынесенные вовне из храма и соотносящиеся с его внутренней символикой по принципу концентрических кругов²³.

Надо сказать, что соотносённость с образом Иерусалима характерна для многих восточно- и западно-христианских городов. На Западе ещё в романскую эпоху в топографии некоторых городов, главным образом, в размещении церковных сооружений, возникает связь с историческим Иерусалимом. Примерами могут быть Прага, Дрезден и ряд других городов²⁴. Но очевидно, что формы этой соотносённости бывали различными: если конкретно-топографические, то прообраз — исторический Иерусалим, если абстрактно-арифметические (но выраженные также в топографии), то, возможно, прообраз связан с упоминаемыми выше местами из Священного Писания.

Но не хотелось бы увидеть во всём этом ещё одно проявление ложного аллегоризма. Архитектура, как уже говорилось, всегда является целостным проявлением всей

²¹ См.: *Большаков Л. Н.* Метрическая система построения композиции Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и близких по типу храмов Византии и Руси // Тезисы докладов научно-практической конференции «Археология и история Пскова и Псковской земли». Псков, 1987.

²² См.: *Шмеман А., протопр.* Евхаристия. Таинство Царства. Париж, 1984.

²³ *Лебедев Л., прот.* Патриарх Никон // Богословские труды. М., 1982. Вып. 23. С. 50.

²⁴ *Сваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1984. С. 166-169.

совокупности аспектов жизни. В средневековом городе осуществляется попытка церковно освоить мир, но ведь общеизвестно, что и стены храма, а тем более городские стены, заключают в себе многое, что ещё далеко от христианского идеала; в древнерусском городе такая поляризация весьма заметна. По словам кн. Е. Н. Трубецкого, «Здесь мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал, не осуществлённую ещё надежду всей твари. В мире, в котором мы живём, низшая тварь и большая часть человечества пребывает пока вне храма. И постольку храм олицетворяет пока собою иную действительность, то небесное будущее, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество ещё не достигло. Мысль эта с неподражаемым совершенством выражается архитектурой наших древних храмов, в особенности новгородских»²⁵.

Обратимся же к Новгородской земле за примером конкретной градостроительной структуры, иллюстрирующей некоторые вышеизложенные положения. Речь пойдёт о Старой Ладогѣ²⁶, современном посёлке, а в прошлом — городе, где начинается самый ранний период русского государства. Сохранившиеся здесь остатки крепости, Георгиевский и Успенский храмы, стоящие в полный рост, и ряд археологических объектов — всё это памятники домонгольской архитектуры; есть и более поздние, вплоть до XIX века. Исследования и реставрационные работы касаются тут больше отдельных памятников, но сложившаяся хаотичность среды мешает их восприятию, а ведь огромный интерес являет весь градостроительный комплекс. Обнаружение общих композиционных принципов может стать основанием целостной реконструкции.

Внимательное изучение опорного плана вызывает предположение о существовании здесь модульной системы, связывающей характерные градостроительные точки, прежде всего — храмы. Можно даже говорить о двух модульных структурах, связанных друг с другом. Одна из них менее заметна — она соединяет перекрёстки дорог, архитектурные акценты, являясь как бы внутренней для города. Другая более наглядна — она обращена к реке (а Волхов, на берегу которого стоит Ладога, был важнейшей торговой и стратегической магистралью): в единую цепь расположены основные храмы, естественные и искусственные возвышенности рельефа. Все главные расстояния кратны одной величине — приблизительно равной 90 метрам. В древнерусских мерах в этот отрезок укладывается 50 мерных сажений — величин, колеблющихся около 180 см (от 176,5 до 191,6). Закономерность в размещении храмов вдоль реки была бы заметна и сегодня, если бы все храмы сохранились на полную высоту и окружающая застройка не мешала восприятию целостной картины. Между доминантами в этом ряду расстояния близки 7 модулям, причём, каждому звену (кроме двух крайних) соответствует парная доминанта церкви. Интересно, что замыкается эта эффектная цепь языческим курганом, легендарно связанным с местом погребения князя Олега Вещего. Однако маловероятно, что в языческое время существовала целостная градостроительно-ландшафтная структура, она формировалась в христианское время на протяжении нескольких веков.

Вообще в языческих культурах можно встретить примеры модульных городов. Это касается Индии, Китая и городов Двуречья, где наиболее совершенным можно назвать план города Борсиппы, расположенного южнее Вавилона, где, кстати, находился пророк Иезекииль, говоривший о Иерусалиме и Храме, используя числовые характеристики. Модульный план Борсиппы, проанализированный Э. Эгли, относится к VI в. до н. э.²⁷, то есть современный вавилонскому плену иудеев. Однако в языческих

²⁵ Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках // Война и культура. М., 1916. С. 8.

²⁶ Фёдоров А. Н. Поиски метода реконструкции комплекса Старой Ладого // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Л., 1985. С. 21.

²⁷ Сваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. С. 32-35.

городах модульность касалась лишь их планировочной структуры, в христианских же, осознанно связанных с образом Небесного Иерусалима, соразмерности служат не абстрактным целям, но осуществляют видимое освоение пространства города в композиционном отношении, стремясь неотмирную гармонию каждого храма сделать доступной миру.

Из вышесказанного следует важный практический вывод о необходимости более углублённого изучения градостроительных закономерностей для правильного подхода к реконструктивным мероприятиям, касающимся не только отдельных памятников, но целостной среды наших исторических городов, а также для правильного проведения охранных мероприятий. Немаловажным является и вопрос использования древних храмов, ибо слишком велик бывает диссонанс между композиционной их ролью в городе и совершенно чуждыми храмам функциями, которые они очень часто выполняют.

В XVIII веке большая часть русских городов была перепланирована, но взаимодействие доминант церквей, фиксировавшее композиционную структуру города, в большинстве случаев не претерпело кардинальных изменений²⁸, что сохранило и целостный облик городов, и могло бы быть уроком для дальнейших реконструкций²⁹. Ведь планировка и застройка древнерусских городов оказывалась вторичной по отношению к композиционной взаимосвязи церквей, это выражалось в ориентации русских храмов, чаще всего игнорировавшей планировочную структуру. Но вот градостроительные реконструкции нашего времени, даже такие продуманные работы, как послевоенные генеральные планы исторических городов, приводили чаще всего к формированию структуры, идущей в разрез с принципами композиции, лежащими в основе города.

Всё это проявления колоссальной проблемы, связанные с принципами освоения архитектурного наследия. Этот вопрос поднят в докторской диссертации Т. А. Славинной³⁰, указавшей на разрыв, возникший в преемственности творчества. «Под знаком интереса к прошлому не раз совершался перелом в русской архитектуре. Какая сфера архитектурного наследия окажется наиболее близкой человеку рубежа нового тысячелетия?»³¹.

Итак, становится очевидным, что требуется более целостный, синтетический подход к проблемам древнерусской церковной архитектуры, необходимо историю архитектуры и искусства рассматривать в единстве с историей Церкви, литургикой и другими богословскими вопросами. При таком взгляде можно будет сделать немало практических, а также общих историко-культурных выводов, актуальных для нас. Некоторые напрашиваются уже сами собой.

1. Градостроительный аспект в древнерусской архитектуре, связанные с ним принципы размещения храмов и активная обращённость в город их объёмной композиции — всё это моменты, нехарактерные для раннесредневекового этапа церковного зодчества, но с неёшего миссионерской направленности, но с другими включёнными в него видами храмового искусства, сосредоточенного в интерьере, — для Церкви. Освоение же пространства города — след попытки преобразовать мир, распространяя

²⁸ См.: Гуляницкий Н. Ф. Русский регулярный город на традиционной основе; *Проскуракова Т. С.* О преемственности в русском градостроительстве второй половины XVIII в.

²⁹ Некоторые города приобрели принципиально иную планировочную структуру, сохранив первоначальный образ, например, Новгород.

³⁰ Славина Т. А. Закономерности архитектурного наследования (на примере русской архитектуры). Автореферат докт. диссертации. Л., 1984.

³¹ Славина Т. А. Исследователи русского зодчества. Л., 1983. С. 187 (в этой книге дана обширная библиография).

собственную гармоничность. Архитектурная среда всегда воспитывает своих обитателей — это же происходит и в русском городе, где особенно очевидно, что храмы и их расположение — основная причина композиционной цельности пространства. Таким образом, воспитательный характер храмовой архитектуры закономерен. Идея города как образа Иерусалима была в этом одной из важнейших, хотя с ней сочеталась и другая, особенно в стольных городах, — стремление топографически изобразить Константинополь — идея более земная, но тоже освящённая церковным авторитетом.

Конечно, содержание городской жизни чаще всего не соответствовало образу Небесного Града, но само это несоответствие несёт в себе призыв наполнить форму тем, что её достойно, призыв актуальный, начиная с эпохи Константина, почти всегда, ибо видимую границу Церкви и мира провести трудно.

2. Говоря о древнерусской архитектуре, мы чаще всего подчёркиваем её своеобразие, неповторимость, отличие от зодчества других, даже христианских стран, хотя и находим элементы, связанные с взаимовлиянием. Между тем, при внимательном взгляде на примере Руси видны общие проблемы церковной архитектуры.

Влияния — вопрос вторичный, хотя тут мы видим иллюстрации силы и единства русской культуры, принимающей многое, но не механически осваивающей и преобразующей в соответствии со своими принципами. Можно привести в пример владимирскую архитектуру XII века, Новгород XV в., Москву XVI в. и т. д.

Главное другое. Возникновение в России монументального зодчества прямо связано с принятием христианства; формирование национального характера архитектуры парадоксальным образом оказалось проявлением общехристианской тенденции усиления вертикальности храмов и их обращённости к городу и ландшафту при большом внимании зодчих к фасадам церквей. Различие средств, как художественных, так и строительно-технических, не может скрыть общность процесса развития христианской архитектуры³² практически всех стран Западной и Восточной Европы, а также Ближнего Востока и Кавказа. Это удивительное свидетельство единства жизни Церкви вопреки всем человеческим перегородкам, которые стремятся её разделить. Ведь речь идёт не о заимствованиях и влияниях, которые тоже имели место, но о внутреннем единстве, находившем разные формы проявления в конкретных условиях. Этому не могли помешать не только государственные, но и конфессиональные границы, побеждаемые цельностью подлинной жизни, оставляющей след в архитектуре храмов, монастырей, городов.

Древнерусское зодчество, являясь достоянием всей христианской культуры, занимает одно из центральных мест в культурном наследии Руси, сохранение которого не менее актуально, чем решение экологических и социальных задач, так как вопросы культуры в этом ряду имеют ведущее значение для формирования человеческой личности.

³² См.: *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры; *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв.